

ственную деятельность и распоряжаться результатами своего труда. МТС по существу поглотили колхозы, превратили их в свои структурные подразделения, установив над ними жесткую опеку и контроль. Объективно назревала реорганизация МТС, передача их техники колхозам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Липецкой области (Далее – ГАЛО). Ф. Р.-584. Оп.1. Д. 7. Л. 67-68.
- ² Подсчитано по сводному годовому отчету МТС Липецкой области за 1954 г. // ГАЛО. Ф. Р.-584. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
- ³ ГАЛО. Ф. Р.-584. Оп.1. Д. 70. Л. 110.
- ⁴ Там же. Д. 3. Л. 132-135.
- ⁵ Там же. Л. 133.
- ⁶ Там же. Л. 135.
- ⁷ Там же. Д. 3. Л. 37-38.
- ⁸ Там же. Д. 41. Л. 14-15.
- ⁹ Там же. Л. 23-24.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р.-584. Оп. 1. Д. 27. Л. 144, 170.
- ¹¹ Там же. Ф. 1747. Оп. 2. Д. 41. Л. 58.
- ¹² Там же. Д. 35. Л. 33.
- ¹³ Там же. Л. 34.
- ¹⁴ Там же. Ф. 1747. Оп. 2. Д. 41. Л. 54.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 30.
- ¹⁸ Там же. Д. 75. Л. 51-52.
- ¹⁹ Там же. Д. 48. Л. 40.
- ²⁰ Там же. Ф. Р.-584. Оп. 1. Д. 69. Л. 28-29.
- ²¹ Там же. Ф. Р.-584. Оп. 1. Д. 70. Л. 93.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Ф. 1747. Оп. 2. Д. 75. Л. 76.
- ²⁵ Там же. Л. 77.
- ²⁶ Там же. Ф. Р.-584. Оп. 1. Д. 68. Л. 14.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Ф. Р.-584. Оп. 1. Д. 68. Л. 126 – 127.

Л.Н. Мазур

Уральский государственный университет

ПРИУСАДЕБНОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛХОЗНИКОВ, РАБОТНИКОВ СОВХОЗОВ И ГОРОЖАН В 1930 – 1980-е ГОДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)

Один из наиболее сложных и запутанных вопросов историографии аграрной истории XX века – это вопрос о земельном праве и поземельных отношениях, сложившихся в советском обществе, а также реальных моде-

лях их функционирования. Несмотря на большое число научных работ, как исторических, так и юридических, посвященных данной теме¹, выделяется целый ряд проблем, которые остаются мало изученными. К их числу относятся, в частности, генезис приусадебного хозяйства; анализ механизма реализации правовых норм в области земельных отношений в 1930 – 1980-е гг.; оценка влияния общинных традиций на систему поземельных отношений в колхозной деревне, а также зависимость вариантов землепользования граждан от таких факторов как поселенческая структура, традиции организации дворохозяйства и т.д.

Правовую основу поземельных отношений в советский период составили Земельные кодексы РСФСР 1922 и 1970 гг., Конституции СССР 1936 и 1977 гг., Примерные уставы сельскохозяйственных артелей 1935 и 1969 гг., в которых был закреплён принцип национализации земли и отражена роль государства как верховного собственника земли. Права владения и распоряжения землей закреплялись за государством, а точнее за органами власти.

Первоначально по Земельному кодексу 1922 г. права пользования передавались крестьянству и устанавливались такие формы землепользования, как общинная, участковая, коллективная. В 1930-е гг. после завершения массовой коллективизации последние были заменены фактически тремя – колхозной, совхозной и промышленных предприятий (подсобные хозяйства). Вплоть до конца 1950-х гг. существовали еще единоличники, но принципиального влияния на структуру поземельных отношений они уже не оказывали. В соответствии с Земельным кодексом 1970 г. (ст.9) основными землепользователями выступали: колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные организации; промышленные, транспортные и другие несельскохозяйственные организации; а также горожане.

Землепользование граждан обозначается термином «приусадебный надел». Он составляет основу индивидуального дворохозяйства. Приусадебное хозяйство представляет собой своеобразное явление, прошедшее достаточно длительный путь становления и развития. Оно характеризуется специфическими чертами и закономерностями и отличается от других форм индивидуального (семейного) землепользования более раннего периода. Феномен приусадебного землепользования, сложившийся в аграрной практике в 1930 – 1980-е гг., и стал основным предметом исследования в данной статье.

Обратимся сначала к уточнению самого понятия «приусадебное хозяйство». Происхождение рассматриваемого термина очевидно связано с таким явлением как «усадьба». Она, в свою очередь, представляет собой своеобразное ядро крестьянского хозяйства и определяется в «Инструкции по применению положения о социалистическом землеустройстве» (СУ.1919.№ 39–40), как «участок земли определенного размера, занимаемый жилыми и хозяйственными постройками и служащий одновременно

для других хозяйственных надобностей»². Крестьянская усадьба нашла отражение в Земельном Кодексе РСФСР 1922 г., где она характеризуется как специфическая форма землепользования. Размеры усадебных участков в соответствии со ст.126 кодекса устанавливались сельским обществом и распределялись на основе уравнительного принципа. При этом существовала практика компенсации недостатка или излишка усадебного надела в сравнении с установленными нормами за счет других земельных угодий³. Усадьба фактически принадлежала членам крестьянского двора и без их согласия переделы, отрезки и какие-либо перемещения усадебных земель не могли производиться.

Таким образом, усадебный надел регулировался особым образом, его размер зависел в первую очередь от условий и традиций развития сельского сообщества и поселения. Механизмы регулирования усадебного хозяйства опирались на общинные традиции.

Важно подчеркнуть, что размер усадьбы определялся исходя из конкретных условий застройки и планировки поселения, и никогда не участвовал в переделах. Площадь его не могла быть слишком большой, т.к. это влияло на пространственную протяженность и организацию населенного пункта, и должна была обеспечивать минимум самых необходимых производственных и непроизводственных потребностей семьи. Этот оптимальный размер усадьбы в большинстве случаев не превышал 0,5 га и лишь в местах с развитым хуторским землепользованием мог достигать 1 – 2 га.

В 1930-е гг. в условиях социалистического преобразования российской деревни усадьба сохраняется. Традицию усадебного землепользования изменить было сложно, если невозможно. Проще было принять и включить усадебное хозяйство в систему колхозного производства, узаконив его и придав ему статус подсобного. По Уставу сельхозартели, принятому в 1930 г., усадьбы относились к категории общественных земель, но оставались в индивидуальном пользовании. По решению правления колхоза размеры усадьбы могли быть изменены, что уже само по себе нарушало традиции землепользования, существовавшие в предшествующий период.

Таким образом, первичной моделью приусадебного хозяйства колхозного крестьянства и сельского населения в целом, видимо, послужила усадьба, выступавшая основным пространственно-организационным элементом традиционной деревни.

С другой стороны, тот вариант приусадебного хозяйства, который формируется в 1930 – 1980-е гг., с учетом его функций и структуры можно охарактеризовать как дворохозяйство. Оно состоит из семьи, жилых и хозяйственных построек, скота, земельного надела и представляет собой определенный генотип. Дворохозяйство тесно связано с производственной деятельностью семьи и воплощается в конкретно-исторических вариантах, отвечая вызовам времени, будь то традиционное крестьянское хозяйство,

или хозяйство горнозаводских рабочих, или приусадебное хозяйство населения советского периода. Все они в своей основе представляют (домо)дворохозяйство. Характерными чертами его выступают устойчивость, приспособляемость к конкретным историческим, социально-правовым условиям, функциональность, т.е. ориентация на выполнение жизненно важных для семьи задач – обеспечение продуктами питания и формирование бюджета. Несмотря на включенность дворохозяйства в существующую систему экономических, правовых и социальных отношений, оно имеет определенную самостоятельность и внутренние закономерности развития, основанные на эффекте использования семейного труда.

В приусадебном хозяйстве в уменьшенных размерах воспроизводилась модель традиционного крестьянского хозяйства. Оно формировалось в организационном плане на основе усадьбы и функционировало в соответствии с закономерностями, свойственными трудовому хозяйству. Размер приусадебного надела жестко регламентировался нормативными документами, но вместе с тем зависел от потенциала и потребностей семьи и, в отличие от усадьбы, имел тенденцию к периодическим изменениям, непосредственно связанным со стадиями демографического развития семьи.

Генезис приусадебного хозяйства

Как особая разновидность дворохозяйства приусадебное хозяйство складывается в 1930-е гг. в результате коренных преобразований, связанных с коллективизацией, совхозным строительством, т.е. так называемым социалистическим переустройством деревни. Несмотря на произошедшие в годы советской власти перемены в земельном строе общества, приусадебное хозяйство заняло определенное место в структуре землепользования. Правда произошло это не сразу, потребовалось время, чтобы доказать его необходимость и жизненность. Приусадебное хозяйство длительное время рассматривалось как явление временное, чуждое социалистической природе советского общества. Соответственно, и политика по отношению к нему была ориентирована на постепенное его свертывание и ликвидацию. Вместе с тем, отказаться полностью от индивидуальных форм хозяйствования и землепользования, власти не могли в силу их экономической целесообразности и эффективности и, что, пожалуй, еще более важно – закономерности существования. Они занимали свою экономическую нишу и заменить приусадебные хозяйства в системе производства и продовольственного обеспечения населения на протяжении всего периода советской истории было нечем.

Уже в ходе коллективизации становится ясно, что полностью исключить индивидуальное землепользование в деревне пока невозможно. В Примерном Уставе сельскохозяйственной артели, утвержденном в 1930 г.⁴, усадебные участки допускалось оставлять в единоличном пользовании. В начале 1933 г. приусадебные наделы, например, на Урале имелись только

у 54,6 % колхозных дворов, к концу 1933 г. – у 76,4 %. В 1932 г. средний размер приусадебного участка здесь составлял всего 0,06 га, в 1934 г. – 0,12 га⁵.

Примерный устав сельскохозяйственной артели 1935 г. закрепил право колхозников на получение земельного участка, который выделялся *колхозному двору* под личное хозяйство. Впервые в этом документе был обозначен предельно допустимый размер надела от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах до 1 га. Одновременно на нормативном уровне подтверждался принцип уравнительного землепользования, помимо земельных участков под посевы колхозники могли пользоваться также покосами и выпасами для содержания скота⁶.

Возникает вопрос, что послужило основой для установления указанной выше максимальной нормы? Можно предложить, что при ее определении был взят тот типичный наибольший размер усадьбы, который встречался в российской деревне в 1930-е гг. Стремление властей ограничить приусадебное хозяйство колхозников размерами усадьбы было очевидно.

Вместе с тем, в реальной практике размеры усадьбы могли существенно различаться. Это зависело от наличия необходимого земельного фонда, плотности застройки, имевших место традиций организации подворья, природно-географических условий. Например, средняя площадь усадьбы в деревнях северных районов Урала, по данным Дектерева С.А., составляла 0,3 га, центральных – 0,31 га, южных районов – 0,22 га⁷. Подобная ситуация характерна для большинства Нечерноземных районов, Поволжья, старообжитых территорий Центра России и др. В некоторых колхозах Пермской области в связи с густонаселенностью усадебные участки не превышали 0,15 га на хозяйство⁸.

Таким образом, размеры приусадебных наделов, определяемые в уставных документах, которые должны были обеспечить минимальный уровень потребления семьи, нередко превышали реальные усадьбы колхозников. Реализация уравнительного принципа приусадебного землепользования требовала применение бытовавших ранее в деревенском сообществе компенсаторных механизмов. Дополнительно к усадьбе, если ее размеры были меньше установленных норм, колхозникам предоставлялись полевые наделы. Такой вариант, когда колхозный двор использовал наряду с усадьбой дополнительные участки земли, обеспечивал необходимую для хозяйственной жизни гибкость и соответствие меняющимся возможностям семьи. Приусадебное хозяйство колхозника (колхозный двор) в результате выходит за рамки усадебного надела, воспроизводя в своих основных параметрах, но в урезанном виде, структуру традиционного крестьянского хозяйства.

Практика деления приусадебной земли на 2 участка: усадьбу и полевой надел, начинает складываться еще в 1930-е гг. Соотношение усадеб-

ного и внеусадебного надела зависело от двух факторов: площади усадьбы и установленных в нормативных актах максимально возможных размеров приусадебного участка. Усадебный надел мог сокращаться в случае уплотнения застройки, и в течение всего изучаемого периода регулировался местными органами власти, которые решали вопрос о величине земельного участка, отводившегося под индивидуальную застройку.

Одновременно с регламентацией статуса и размеров колхозного двора решался вопрос с приусадебными хозяйствами работников совхозов. Здесь возникало много сложностей, в том числе идеологического плана. В 1920-е г. считалось, что в социалистических хозяйствах недопустимо создавать условия для возрождения частнособственных настроений. В соответствии с постановлением ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» (СУ.1919 г. № 6. ст.46), принятым в 1919 г., рабочим и служащим государственных сельскохозяйственных предприятий запрещалось «заводить в хозяйствах собственных животных, птицу и огороды». Только в 1933 г. постановлением СНК СССР разрешалось выделять постоянным рабочим совхозов земельные участки под индивидуальные огороды в размере не свыше 0,25 га на семью. В 1934 г. было принято решение о возможности приобретения скота для личного хозяйства. В 1936 г. уже более половины постоянных рабочих совхозов в СССР имели свой скот, около 70 % – огороды⁹.

Одним из вариантов приусадебного хозяйства помимо колхозного и совхозного двора становится индивидуальное землепользование рабочих и служащих, проживающих в городской местности. В соответствии с принятым в 1933 г. постановлением СНК СССР «О развертывании индивидуального рабочего огородничества» они могли получить от 0,12 до 0,25 га на семью¹⁰. При отводе земель предусматривалась возможность организации в дальнейшем на этих участках дачных поселков рабочих. С середины 1930-х гг. огородничество превратилось в одну из наиболее распространенных форм землепользования рабочих и служащих.

В годы Великой Отечественной войны практика выделения огородов рабочим и служащим значительно расширилась, семье дозволялось брать огороды до 0,15 га с обязательством выполнения поставок государству. Земли выделялись семьям через предприятия. При увольнении рабочие лишались права пользования земельными участками без возмещения затрат. Голодные военные годы способствовали развитию огородничества, так если в 1940 г. на Урале 37,4 % горожан имели огороды, то в 1945 г. – 77,3 %¹¹. В послевоенный период данная форма землепользования получила дальнейшее развитие. К концу 1940-х гг. в Свердловской области около 80 % городского населения имели огороды¹².

Таким образом, в течение 1930-х гг. формируется новая модель семейного землепользования населения – приусадебное хозяйство, которая воспроизводила основные черты крестьянского дворохозяйства более ран-

него периода, но вместе с тем имела свою правовую и социальную основу. «Приусадебное хозяйство» становится понятием, отражающим различные социальные варианты индивидуального (семейного) землепользования. В частности, можно выделить три основные модели – это колхозный двор, приусадебное хозяйство работников совхозов, а также индивидуальные хозяйства горожан. Они различались размерами, механизмами землепользования и регулирования.

Основные тенденции и закономерности развития приусадебного «личного подсобного» хозяйства

Основная тенденция развития приусадебного землепользования в 1930–1980-е гг. связана с общим сокращением размеров земельных наделов и усложнением структуры землеустройства. Это осуществлялось как под влиянием внешних факторов (политика), так и внутренних (демографические процессы и изменения образа жизни сельского населения).

Отношение к приусадебному хозяйству как временному, переходному явлению было свойственно органам власти на протяжении всего изучаемого периода. И это неоднократно приводило к попыткам ускорить процесс его ликвидации. Политика является основным внешним фактором, формирующим тенденцию сокращения приусадебного землепользования. Постепенное свертывание приусадебного хозяйства (как по размерам, так и по структуре) стало одним из наиболее ярких проявлений раскрестьянивания.

Уже во второй половине 1930-х гг. предпринимаются шаги по ограничению личного хозяйства колхозников. Наиболее значимым в этом отношении мероприятием стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» (27 мая 1939 г.)¹³, в результате чего условия приусадебного землепользования были существенно ужесточены. Превышение установленных норм земельных наделов стало рассматриваться как уголовное преступление.

Одним из факторов «разбазаривания» земель был назван тот механизм приусадебного землепользования, который сложился в колхозной деревне: «Разбазаривание и расхищение земель идет по линии незаконных прирезок, мнимых разделов семей, либо в порядке прямого наделения колхозников приусадебными участками за счет полевых общественных земель колхозов.... Разбазариванию способствует и неразбериха в земельном хозяйстве колхозов, когда приусадебные участки и общественные земли колхоза перемешиваются между собой.... Приусадебные участки расположены не около дворов, а нарезаны на полевых землях колхозов, ... не отграничены от полевых земель....»¹⁴.

По новым правилам, приусадебная земля должна была выделяться в отдельный массив в пределах деревни и отделяться от общественных земель межевыми столбиками. Кроме того, правлениям колхозов предоставлялось право изымать земельные участки у тех, кто не отработал миниму-

ма трудодней. В результате земельный надел становится инструментом внеэкономического контроля и принуждения колхозников. В дальнейшем эта тенденция еще более усиливается, тесно увязывая работу в колхозе и право на пользование земельным участком. Для осуществления контроля землепользования в областных земельных отделах вводилась должность землемера-ревизора.

Чуть позднее, постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП (б) от 28 июля 1939 г. приусадебные наделы рабочих и служащих, проживающих в сельской местности, ограничивались до 0,15 га, включая площадь под постройки.

Постановления 1939 г. породили первую массовую компанию по переделу приусадебных наделов. Так, в Свердловской области у колхозников и единоличников было изъято в этот период около 10 тыс. га земли¹⁵. В дальнейшем мероприятия по контролю приусадебного землепользования в сельской местности проводились достаточно регулярно, хотя и не всегда качественно. В определенные моменты ревизии приусадебного землепользования превращались в массовые кампании, приобретая широкий общественный резонанс. Можно выделить периоды, когда мероприятия по проверке размеров земельных участков осуществлялись наиболее активно – это 1939, 1946, 1954, 1956, 1964 гг. Регулярность их проведения является отражением того, что нарушение норм землепользования носили не случайный, а закономерный характер и усиливались в периоды кризисов, когда подсобное хозяйство становилось основным источником выживания.

Наиболее распространенный вариант нарушений приусадебного землепользования в этот период связан с превышением установленных законодательством норм. Земельные наделы, как у колхозников, так и у рабочих и служащих, по сведениям источников, нередко превышали их в 1,5 – 2 раза. Так в 1949 г. в Пермской области земельными наделами от 0,5 до 0,7 га пользовались 2105 дворов (1,15 %)¹⁶. В 1952 г. в этой же области было выявлено 15640 нарушений на площади 1057,31 га¹⁷. Изъятые земли возвращались колхозам, хотя здесь все было не так просто. Нередко отрезки были фиктивными. В отчете писалось одно, а на практике земля сохранялась за прежними пользователями. И действительно, проблема отрезков приобретала нередко трагическое звучание, т.к. изъятые земли в результате не обрабатывались, зарастали сорняками и выбывали из сельскохозяйственного оборота.

Нельзя не отметить и еще одну важную цель контрольных мероприятий – это ограничение роста индивидуального землепользования и формирование тенденции уменьшения земельных наделов. Контрольные мероприятия нередко дополнялись другими, непосредственно нацеленными на решение этой задачи. Так, в связи с принятием постановления Совета Министров СССР от 26 марта 1954 г. «О порядке рассмотрения заявлений колхозников, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности на

территории колхозов об уменьшении размеров приусадебных участков» по районам и областям прошла проверка землепользования, в ходе которой одновременно рассматривались заявления на сокращение участков. Например, по Пермской области за 1954 г. было подано 1764 заявления, выявлено 3392 случая нарушения правил землепользования, возвращено колхозам 160 га земли¹⁸.

Количество «возвращенных» колхозам в 1950-е гг. земель не поражают воображение своими масштабами, как это было во время кампаний 1939 и 1946 гг. Что же происходит? Сокращается число захватов или, наконец, система учета достигла должного уровня? Думается, что ни то, ни другое. Видимо, здесь наблюдается объективная по своей сути тенденция, связанная с общим сокращением приусадебного пользования в силу, прежде всего, демографических причин и уменьшением численности сельского населения.

Роль постановления 1954 г. в эволюции приусадебного землепользования достаточно слабо изучена. Без сомнения, с одной стороны оно характеризует позицию властей на сокращение индивидуального землепользования, но с другой, видимо, ту реальную практику, которая отражала потребность определенных категорий сельского населения в уменьшении участков. Семья, не имея достаточно рабочих рук, подчас не в состоянии была обрабатывать даже тот небольшой надел, который полагался ей по уставу. А так как размеры налогообложения зависели от размера надела, то заинтересованность в официальном сокращении участка была прямая. В постановлении впервые был предложен механизм пересмотра приусадебных наделов, узаконив тем самым практику переделов.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления колхозными делами» несколько расширило полномочия органов колхозного самоуправления в решении вопросов регулирования поземельных отношений. Это проявилось в пересмотре размеров приусадебных наделов, а также создании более «гибкого» механизма регулирования надела в зависимости от трудового участия колхозников в общественном производстве и численности семьи.

Разработка новых уставов колхозов, как правило, сопровождалась пересмотром приусадебных наделов в сторону их уменьшения, что в целом соответствовало основным принципам правительственной политики. Началось очередное наступление на личные хозяйства колхозников, работников совхозов и городских жителей, оно особенно затронуло животноводство, но отразилось и на размерах приусадебных участков.¹⁹ По состоянию на 1.01.1963 г. средние земельные наделы в крестьянских хозяйствах существенно сократились и составляли в среднем по Уралу от 0,20 до 0,30

га, а по отдельным регионам, например, в Курганской и Челябинской областях и того меньше²⁰.

Постановление ЦК КПСС от 27 октября 1964 г. «Об устранении необоснованных ограничений личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих» способствовало временному смягчению основной тенденции, земельные наделы колхозников, рабочих и служащих были восстановлены до прежних размеров²¹, что привело к новой волне переделов приусадебных участков.

Решение вопроса о величине приусадебного надела в этот период приобретает новую окраску. При ее определении начинают все более широко руководствоваться такими критериями, как трудовое участие семьи в жизни колхоза; количество членов семьи и ее половозрастной состав. Так, например, в Уставе колхоза им Ленина Бардымского района Пермской области, принятом в 1964 г., утверждалась норма земельного надела равная 0,25 га на колхозный двор. Хозяйствам с 5 и более детьми полагалось по 0,30 га, семьям с 1 работником – 0,10 га. Колхозному двору из 2-х престарелых, не имеющих кормильца на производстве, выделялось по 0,15 га, а если кормилец не работал в колхозе – 0,05 га²². Те же нормы устанавливались и для одиночек. Если колхозники не вырабатывали минимума трудодней, то это грозило им уменьшением надела наполовину.

В дальнейшем практика пересмотра приусадебных наделов была закреплена в новом Примерном уставе колхоза, принятом в 1969 г. Он подтвердил максимальный земельный надел под личное хозяйство в размере до 0,5 га, включая земли, занятые под постройки. Размер участка определялся по решению общего собрания, его могли варьировать с учетом количества членов семьи и степени их трудового участия в общественном производстве²³. В этой редакции Примерного устава впервые проговаривается механизм предоставления земельного надела в сельских поселениях нового типа с многоквартирной застройкой. Около жилых домов (квартир) участок мог выделяться в меньшем размере (0,06–0,12 га), остальная часть надела выносилась за пределы селитебной зоны.

Интересные наблюдения о механизме распределения приусадебных наделов в колхозах высказал в своей статье Мацуи Нориаки²⁴, в частности он указывает на возрождение в 1950-1960-х гг. таких общинных традиций как регулирование земельного надела в зависимости от трудового участия колхозника в общественном производстве и размеров его семьи. Хотя на наш взгляд эта практика, как ненормативная, имела распространение и в более ранний период – в 1930 – 1940-е гг., позволяя в пределах установленного максимума варьировать приусадебное землепользование с учетом потенциала и потребностей семьи.

В 1960-е гг. в совхозах также меняется ситуация с приусадебными наделами. В связи с массовым переводом колхозов в совхозы, нередко складывалось положение, когда райисполкомы были вынуждены идти на

превышение законодательно установленных норм, т.к. переделы приусадебных участков бывших колхозников были непопулярным мероприятием. В большинстве случаев местные власти в данной ситуации предпочитали сохранить за жителями используемые ими земельные наделы²⁵. Это объективно вело к росту приусадебного землепользования рабочих совхозов, средние размеры которых стали сближаться с показателями колхозников.

В послевоенные годы получает развитие такая форма землепользования горожан как коллективное садоводство. В Постановлении от 24 февраля 1949 г. «О коллективном садоводстве и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» разрешалось отводить под сады в черте города до 0,06 га, вне города – 0,12 га²⁶. В 1947 г. в Свердловске уже насчитывалось 12 садоводческих товариществ, первым из них стал коллективный сад, организованный на Уралмаше. В пригородах Москвы, где садоводческое движение приобрело широкий размах и охватывало около 100 тыс. семей, к 1966 г. было отведено 10 тыс. га земли, возникло около 1000 поселков²⁷.

Наиболее активно садоводческое движение развивалось в благоприятных природно-климатических условиях, а также в урбанизированных регионах в частности в Поволжье, на Урале. Участки под сады закреплялись за рабочими и служащими в бессрочное пользование при условии их работы на предприятии не менее 5 лет. Члены товарищества обязаны были в течение первых трех лет освоить участки, посадить фруктовые и ягодные деревья, кустарники, в противном случае они лишались права пользования землей. Товариществам разрешалось возводить на территории сада пансионаты, овощехранилища и другие постройки общего пользования. Членам кооператива дозволялось строить садовые летние домики площадью от 12 до 25 кв.м. Помимо садоводства в 1950-е гг. активно продолжает развиваться огородничество. К 1959 г. им было охвачено в СССР свыше 12 млн. рабочих и служащих²⁸.

Движение садоводов и огородников, несмотря на зигзаги политики, в целом имело тенденцию к расширению, охватывая все новые слои города. К 1979 г. в РСФСР 3,6 млн. семей рабочих и служащих имели сады с общей площадью 230,2 тыс. га, коллективным огородничеством занимались 4,8 млн. семей на площади 360 тыс. га²⁹. К 1990 г. садовые участки были у 8,5 млн. семей, а огороды – 5,1 млн³⁰.

Земельный кодекс РСФСР 1970 г.³¹ закрепил сложившуюся на протяжении предшествующих десятилетий практику индивидуального землепользования для всех категорий населения. Граждане могли получить в пользование участки земли на основании решений администрации сельскохозяйственных предприятий, промышленных предприятий или учреждения, которые выступали в качестве основных землепользователей. При этом устанавливались следующие нормы:

для колхозников – в соответствии с Уставом колхоза – до 0,5 га;

постоянным рабочим, специалистам и служащим совхозов – до 0,3 га на семью;

рабочим, служащим, специалистам, проживающим и работающим в сельской местности – до 0,25 га;

рабочим, служащим, пенсионерам, инвалидам, проживающим в сельской местности – до 0,15 га (ст.66).

Размеры приусадебных участков с учетом местных условий по постановлению Совета Министров РСФСР могли быть увеличены до 0,5 га. Рабочим и служащим, проживающим в сельской местности и не имеющим приусадебных участков, предоставлялись огороды площадью до 0,15 га на семью (ст.69).

Принципиально важно отметить, что право на получение земли имели только члены колхозов, а также рабочие и служащие совхозов и промышленных предприятий. Они могли пользоваться земельными участками до тех пор, пока относились к соответствующей организации. В уставах колхозов нередко закреплялось положение о том, что неработающие в колхозе лишались приусадебного участка или существенно ограничивались в правах.

Несмотря на пророчества партийных и государственных руководителей об обреченности приусадебного хозяйства и его скором исчезновении, приусадебное землепользование продолжало развиваться и в 1970-е, и в 1980-е гг., хотя не совсем ровно. Во второй половине 1970-х гг. оно получило определенный стимул к расширению, особенно в связи с принятием постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих и коллективном садоводстве и огородничестве», а позднее Продовольственной программы. В этот период приусадебное хозяйство окончательно утвердилось в качестве подсобного и необходимость его была признана не только экономистами, но и политиками.

Динамика численности приусадебных хозяйств достигает своего максимума к 1977 г. и затем начинает снижаться. Что вызвано в большей степени уже не политическими решениями, а процессами обезлюдения сельской местности. При этом если показатели функционирования приусадебного хозяйства сельских жителей (колхозников и работников совхозов) имеют тенденцию к снижению, то горожан, напротив, к росту. По состоянию на 1.11.79 г. в РСФСР в пользовании населения (34,7 млн. семей) находились 7,83 млн. га земли. Приусадебные участки имели 99 % колхозников, 39 % рабочих и служащих, проживающих в городах, поселках городского типа и сельской местности. Средний размер приусадебных участков составлял у колхозников 0,32 га, рабочих совхозов – 0,21 га, рабочих и служащих, проживающих в сельской местности – 0,17 га³². Роль личных подсобных хозяйств в обеспечении населения продуктами питания оставалась достаточно высокой, так, например, доля сельскохозяйственной продукции, произведенной в ЛПХ в 1979 г. составила по картофелю – 59 %, по

овощам – 31 %, плодам и ягодам – 53 %, мясу – 30 %, молоку – 29 %, яйцам – 33 %³³.

При характеристике развития приусадебного землепользования необходимо учитывать не только внешние факторы (политика, право), которые формировали общую тенденцию к ограничению. Значительную роль продолжают играть внутренние факторы и закономерности, свойственные приусадебному хозяйству как разновидности дворохозяйства. Организация приусадебного хозяйства в целом основывалась на тех же закономерностях, что и крестьянское трудовое хозяйство и определялась в зависимости от трудопотребительского баланса семьи колхозника. В частности, если мы возьмем распределение землепользования колхозников в рамках любого колхоза, существовавшего на протяжении 1930 – 1980-х гг., мы увидим, что, несмотря на наличие утвержденных общим собранием максимальных размеров земельных наделов, землепользование конкретных семей достаточно существенно различалось³⁴. Как получалось, что при уравнительном принципе наделения землей, реальные наделы не совпадали? Здесь только одно объяснение – конкретные наделы могли корректироваться с учетом потребностей и возможностей семьи. Менялся ее состав, трудопотребительский баланс, соответственно, изменялась и потребность семейного коллектива в необходимом количестве земли. На протяжении жизненного цикла семьи размеры приусадебного хозяйства, и в том числе землепользования, могли меняться, то в сторону увеличения, то в сторону сокращения.

Возьмем в качестве примера распределение крестьянских хозяйств Пермской области. Здесь приусадебный надел варьировался от 0 до 0,71 га, наиболее типичным был участок от 0,26 до 0,35 га. (50,1 % хозяйств), но встречается 3,2 % семей, имевших до 0,10 га, а у 28,5 % участок превышал 0,35 га³⁵. На величину выделяемого семье надела влияли, помимо нормативных моментов, социальное положение, степень трудового участия в делах колхоза, а главное – это численность семьи и соотношение числа трудоспособных/иждивенцев.

Зависимость площади земельного надела от численности семьи нашла отражение в табл.1. На примере Свердловской области видно, что при общем преобладании в середине 1960-х гг. участков размером 0,21 – 0,25 га (41,2 %), небольшие семьи, состоящие из 1-2 человек, чаще имели надел до 0,10 – 0,20 га, крупные семьи – надел свыше 0,25 га. Источники отмечают также и колебания площади земельного надела конкретной семьи во времени. Она могла изменяться в зависимости от жизненного цикла семьи.

Уменьшение или увеличение землепользования происходило, главным образом, за счет внеусадебного надела. Если весь земельный надел соответствовал площади усадьбы, то изменения были неочевидны, передела, как правило, не происходило. Хотя площадь посева в рамках усадьбы могла меняться. Это можно наблюдать на примере малых семей (как правило, пенсионного возраста), которые продолжали пользоваться достаточ-

но большими участками земли – более 0,25 га, но при этом площадь посева оказывалась незначительной (см. табл.1).

Таблица 1.

*Распределение крестьянских семей Свердловской области в 1963 г.
по числу членов семьи и площади приусадебного участка, %**

Площадь приусадебного участка, га	Число членов семьи, чел						
	1	2	3	4	5	6 и более	Итого
до 0,1	0,9	1,36	0,9	0,0	0,0	0,0	3,17
0,1 – 0,15	3,17	3,17	3,16	1,81	0,9	0,45	12,67
0,16 – 0,20	1,36	3,17	1,36	3,62	0,45	0,9	10,86
0,21 – 0,25	2,26	7,69	9,04	7,69	6,34	8,14	41,17
0,26 – 0,30	0,9	2,3	2,7	0,9	2,3	3,2	12,2
0,31 – 0,35	0,45	0,0	0,0	0,45	0,9	0,45	2,26
0,35 и более	0,0	2,71	4,98	4,52	2,71	2,71	17,65
Итого	0,05	20,36	22,17	19,0	13,57	15,84	100

* Составлено по бюджетам колхозников Свердловской области за 1963 г. (Государственный архив Свердловской области. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581, 3584).

Изменение трудопотребительского баланса семьи неизбежно вело к колебаниям в размерах обрабатываемого земельного надела и переделам приусадебных участков. Это получило отражение в земельно-шнуровых книгах колхозов и похозяйственных книгах сельсоветов, используемых для учета землепользования населения. В частности, постоянные изменения площади земельных участков приводили к затруднениям заполнения учетных документов и, соответственно, вызывали трудности в исчислении сельскохозяйственного налога³⁶.

Влияние демографической структуры семьи на размер землепользования можно также проследить по материалам, связанным с нарушениями Устава. Зафиксированные в документах и литературе факты, как правило, отражают те типичные ситуации, которые имели место в реальной жизни – превышение установленных максимальных размеров участков; скрытая аренда и использование труда людей, не являющихся членами семьи; сохранение приусадебных наделов за лицами, вышедшими из колхоза или уволившимися с работы в совхозе или на предприятии и пр.

Наиболее распространенным видом нарушений в 1930 – 1960-е гг. стало превышение установленных максимальных размеров земельных наделов, или так называемые захваты. Они, в свою очередь, порождали проблему отрезков, которая получила законодательное решение только в Земельном Кодексе 1970 г. Нередко захваты интерпретируют исключительно как форму борьбы колхозников за свои интересы³⁷. На наш взгляд, они отражают не столько борьбу крестьян, сколько те естественные процессы, свойственные любому хозяйственному организму, которые можно обозначить как «пульсация», т.е. циклическое изменение объемов хозяйственной

деятельности в зависимости от демографических ресурсов. Причины захватов очевидны, в основе их лежит позиция властей на выделение «небольших» участков, которые бы не отвлекали внимание и силы работников от участия в общественном производстве. В целом разработанные нормы были ориентированы на среднюю семью из 3-4 человек, имеющих стабильный источник дохода, помимо приусадебного хозяйства. Если потребности семьи возрастали или, напротив, сокращались доходы от основных источников приложения труда, это неизбежно подталкивало к увеличению объемов приусадебного хозяйства и захватам земель.

Земельные захваты в определенной степени можно отнести к традиции российской деревни. В этом отношении интересны наблюдения статистиков Урала 1920-х гг. Землепользование в это время, по оценкам специалистов, носило стихийный характер и развивалось путем беспорядочных самовольных захватов удобных для разработки мест на лесных дачах. Захваты проводились в значительных размерах в годы революции и Гражданской войны. По статистическим расчетам в середине 1920-х гг. на горнозаводском Урале площадь захватного землепользования населения составляла около 1 млн. десятин земли и охватывала территорию около 4 млн. дес. лесных дач³⁸. Причем отмечается тенденция к увеличению захватов вместе с естественным ростом населения. Захваты имели место и в более поздний период – в годы Великой Отечественной войны, во время экономических кризисов (например, конец 1980-х гг.) – это создавало всегда значительные сложности и для государственных органов и для администраций колхозов и совхозов, т.к. они обязаны были отслеживать и пресекать подобную практику. Захватная форма землепользования компенсировала в определенной степени нехватку земельных ресурсов и была в условиях жесткого нормирования экономически неизбежной.

Модели приусадебного землепользования

При изучении приусадебного землепользования мало внимания уделялось процессам модернизации деревни, которые особенно активно протекали в 1960–1980-е гг. и оказывали непосредственное влияние на формирование нового механизма приусадебного землепользования и его оптимальные размеры. Причем в ходе модернизационной перестройки деревни приусадебное хозяйство в определенном смысле видоизменяется, в частности крестьянское дворохозяйство заменяется новым урбанизированным вариантом индивидуального подсобного хозяйства, в рамках которого усадьба либо сведена к минимуму, либо полностью ликвидируется. Эволюция сельских населенных пунктов в поселения городского типа в этом отношении становится важнейшим фактором пространственного преобразования приусадебного хозяйства.

Начиная с 1960-х гг. при разработке схем районной планировки и проектов застройки поселений приусадебное землепользование становится

одним из краеугольных камней модернизации расселения. Переустройство советской деревни предусматривало формирование компактной, более рациональной («городского типа») структуры поселения за счет внедрения многоэтажной и многоквартирной застройки, полное благоустройство населенных пунктов. Решение этих задач было связано с принципиальным уменьшением усадебных наделов или их полной ликвидацией.

В так называемых «перспективных» деревнях реализовывался вариант, когда большая часть приусадебного фонда выносилась за пределы селитебной зоны³⁹. Площадь приквартирных участков не должна была превышать 0,04 га для блокированных домов и 0,06 – 0,1 га для одноэтажных 2-4-квартирных домов. Остальную часть участка и полную норму для секционных домов выделяли в едином массиве за пределами деревни.

К началу 1970-х гг. потребность ведения приусадебного хозяйства стала более полно учитываться при создании планировочных проектов населенных пунктов. Проектировщики, наконец, осознали, что огород должен находиться при доме, так же как и хозяйственные постройки – в этом специфика сельского образа жизни. Участки под усадьбу стали выделять в несколько большем размере, однако сам принцип дробления земельного надела не изменился. Так окончательно приусадебный участок оказался разделен на 2, а иногда и большей частей: собственно усадьбу, где располагались хозяйственные и жилые постройки и небольшой огород и полевой надел, выделяемый вне жилой зоны. В результате сложная пространственная структура приусадебного хозяйства, сложившаяся на протяжении изучаемого периода, получила окончательное законодательное закрепление. В неперспективных поселениях сохранялась традиционная форма землепользования.

С учетом влияния множества факторов, представляется возможным выделить 3 основные формы приусадебного землепользования, сложившиеся в 1930 – 1980-е гг.: колхозный двор; приусадебное хозяйство работников совхоза; индивидуальное хозяйство рабочих и служащих.

Для колхозного двора, который формируется на базе традиционной деревни (подворный принцип организации территории), характерно деление земельного надела на два и более участков:

усадьба с жилыми, надворными постройками и огородом. Размер участка определялся в соответствии с существующими нормами на момент обустройства двора. В 1930 – 1950-е гг. в большинстве случаев не превышал 0,20 – 0,35 га, в последующий период сокращается до 0,10 – 0,15 га. Площадь усадьбы практически не менялась и не подлежала дополнительному регулированию;

полевой надел отводился правлением колхоза на отдельном поле и использовался, как правило, под картофель, реже под другие культуры. Этот надел утверждался общим собранием колхозников в соответствии с заявками дворов, компенсируя недостаточность площади усадьбы, и отра-

жал степень трудового участия и потребности семьи колхозника. Площадь полевого надела могла изменяться и выступала в качестве объекта регулирования. Внеусадебные земли подлежали, фактически, переделу в соответствии с общинными традициями.

Помимо земель под посадки колхозному двору выделялись на общественных землях покосы, которые, как и полевой надел, подлежали постоянному переделу. Реализацию прав колхозника на пользование полевым наделом и покосами обеспечивал колхоз, а точнее его правление, от позиции которого зависело во многом благополучие колхозного двора.

При организации *совхозного подворья* реализуется уже другая модель приусадебного землепользования. Это в первую очередь касается совхозов и совхозных поселений, которые стали возникать в результате нового строительства. Еще в 1930-е гг. формируется новый тип поселения – совхозный поселок. Характерной чертой его стал отказ от индивидуального дворохозяйства и внедрение в практику жилищного строительства домов на 2 – 4 семьи, общежитий, а позднее в 1960 – 1970-е гг. и многоэтажных домов. Совхозные поселки проектировались и создавались как поселения городского типа. Совхоз выделял своим работникам земельный надел, основная часть которого приходилась на полевой участок. Под собственно усадьбу отводилось от 0,06 до 0,12 га. Такая модель землепользования обеспечивала уже более жесткий контроль поземельных отношений со стороны дирекции и государственных органов. В том числе возрастает возможность внеэкономического воздействия на работников совхозов посредством регулирования земельных наделов.

Индивидуальное хозяйство рабочих и служащих, проживающих в городах и рабочих поселках, характеризуется наименьшей площадью земельного надела (до 0,15 га). Он нарезается на отведенном и закреплённом за предприятием земельном массиве. Получили развитие две основные разновидности землепользования горожан – «сад» и «огород». В первом случае участок закреплялся в постоянное пользование семьи, на нем разрешалось возводить постройки – садовые домики, хозяйственные помещения – и выращивать овощи, ягоды, фрукты. Во втором – участок отводился во временное пользование на общем поле под овощные культуры и картофель без права возводить сооружения и сажать плодово-ягодные культуры. Площадь садового участка составляла в черте города 0,04 – 0,06 га, а вне города могла достигать 0,12 га⁴⁰. Индивидуальное землепользование рабочих и служащих подвергалось наиболее жесткой регламентации и контролю.

В законодательных документах нашла отражение еще одна форма индивидуально землепользования – служебные наделы. Они выделялись работникам железной дороги, предприятий связи, лесного хозяйства и леспромпхозов. Величина надела составляла для всех категорий, за исключением леспромпхозов, до 0,25 га. Работники леспромпхозов получали земельные участки от 0,5 до 0,75 га⁴¹. В целом это достаточно специфическая

форма, но по механизмам землепользования она, скорее всего, близка к совхозному приусадебному хозяйству. Поэтому оснований для выделения их в качестве отдельного типа нет.

В заключении хочется отметить, что приусадебное землепользование граждан РСФСР, рассмотренное в данной статье, несет в себе много традиционных черт. Это своеобразная модификация трудового крестьянского хозяйства, подверженного влиянию внутренних и внешних факторов, среди которых важнейшим является политика и право, устанавливающие верхние пределы производственных показателей, а также трудовые потребности семьи, тип поселения. В целом под воздействием как внутренних, так и внешних факторов на протяжении 1930 – 1980-х гг. идет процесс постепенного свертывания и изменения организационной структуры приусадебного хозяйства. Но говорить о его полном исчезновении не приходится. Обеспечивая жизненно важные потребности семьи, приусадебное хозяйство, как у сельских жителей, так и у горожан играло принципиально значимую роль, которая возрастала в условиях надвигающегося кризиса сельского хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См., напр.: *Вовк Ю.А.* Право приусадебного землепользования колхозного двора. М., 1957; *Башимаков Г.С.* Приусадебное землепользование. М., 1975; *Безнин М.А.* Материальное положение рабочих и колхозников. 1950-1965 гг. Вологда, 1989; *Он же.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950 – 1965 гг. М., Вологда, 1991; *Денисевич М.Н.* Индивидуальные хозяйства на Урале. (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург, 1991; *Личное подсобное хозяйство населения РСФСР.* М., 1991; *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С.Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; и др.

² Инструкция по применению положения о социалистическом землеустройстве // Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 – 1954. М., 1954. С.61.

³ Земельный кодекс РСФСР. 1922 г. // Сборник законодательных документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 – 1954. М., 1954. С.156-179.

⁴ Примерный устав сельскохозяйственной артели // Там же. С.467 – 469.

⁵ *Денисевич М.Н.* Указ. соч. С.43.

⁶ Примерный устав сельскохозяйственной артели // Сборник законодательных документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. С.467 – 469.

⁷ Там же. С. 44

⁸ Государственный архив Пермской области (Далее – ГАПО) . Ф. 1090. Оп. 1. Д. 4515. Л. 230.

⁹ *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928 – 1941 гг. М., 1982. С. 210-211.

¹⁰ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. С. 490.

¹¹ *Трифонов А.Н.* Создание и развитие продовольственной базы промышленных центров Урала в период Великой Отечественной войны // Развитие рабочего класса и промышленности Урала в период строительства социализма (1938 – 1958). Свердловск, 1982. С. 64.

¹² *Разумков Г.Н., Рабинович Р.И.* Огородники Свердловска. Свердловск, 1949. С. 4-5.

¹³ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27.05.1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» // Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. С.566-568.

- ¹⁴ Там же. С. 566.
- ¹⁵ Денисевич М.Н. Указ. соч. С. 66.
- ¹⁶ ГАПО.Ф.1090.Оп.1. Д. 3086. Л. 10.
- ¹⁷ Там же. Д. 3057. Л. 11.
- ¹⁸ Там же. Д. 3139. Л. 73
- ¹⁹ См., подробнее: Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С.Хрущева. М., 2000.
- ²⁰ Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). Ф. 259. Оп. 45. Д. 339. Л. 10
- ²¹ Постановлением Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 13 ноября 1964 г. «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих» устанавливались следующие размеры участков для рабочих и служащих совхозов – 0,3 га; для рабочих и служащих, работающих в сельской местности – до 0,25 га; для рабочих и служащих других категорий – 0,15 га. (Систематическое собрание законов РСФСР, Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. Т.8. М., 1968. С.79-80).
- ²² ГАПО. Ф. 564. Оп. 3. Д. 2647. Л. 96-100.
- ²³ Примерный устав колхоза. М., 1969. п. 42.
- ²⁴ Мацуи Нориаки. Феодальное и общинное: к истории приусадебного землепользования в колхозах СССР // Новый мир истории России. М., 2001. С. 375 – 395.
- ²⁵ ГАПО. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 4515. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Д. 3061. Л. 11.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 4622. Л. 41.
- ²⁸ Там же. Д. 3131. Л. 16.
- ²⁹ Там же. Оп. 46. Д. 7190. Л. 3.
- ³⁰ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 385.
- ³¹ Земельный Кодекс РСФСР. М., 1974.
- ³² ГАРФ, Ф. 259. Оп. 46. Д. 7190. Л. 3.
- ³³ Там же. Д. 7190. Л. 5
- ³⁴ Так, например, в 1958 г. в колхозе «Красна Нива» Добрянского района Пермской области размеры приусадебных участков варьировались от 0,24 до 0,36 га. (ГАПО. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 3054. Л. 5).
- ³⁵ Там же. Д. 3057. Л. 45.
- ³⁶ Там же. Д. 3057. Л. 5, 8, 10, 45, 54, 96, 115.
- ³⁷ См., напр. Безнин М.А., Димони Т. М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3.
- ³⁸ Землепользование и перспективы землеустройства на Урале. Свердловск, 1926.С. 24.
- ³⁹ Некоторые современные требования к проектированию сельских населенных мест. М., 1960. С. 11.
- ⁴⁰ Ответы и вопросы колхозников, рабочих и служащих по приусадебному землепользованию. М., 1960. С. 48.
- ⁴¹ Земельный Кодекс РСФСР. М., 1974. Ст. 110-111.